

**СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ДИАЛОГИ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т. МАННА „ВОЛШЕБНАЯ ГОРА“ И
„ОБМАНУТАЯ“.**

Е. ПАЯУЕНЕ

Реплики диалогов в романе „Волшебная гора“ и в новелле „Обманутая“ состоят из самых различных предложений как по своей коммуникативной функции, так и по грамматической структуре. Настоящая статья преследует цель более подробно рассмотреть одну из их разновидностей – вопросительные предложения.

Этот вид предложения неизбежен в живой разговорной речи. Весьма часто он встречается и в диалогах художественного произведения, хотя его наличие в них зависит от целого ряда факторов – от индивидуальности автора, от тематики как самого произведения, так и отдельного диалога, от ситуации, в которой протекает диалог, от духовного состояния говорящих лиц и т.д. Вопросительные предложения обычно тесно связаны по смыслу с ответными репликами, а иногда и сами выступают в роли ответов¹. Поэтому представляется интересным выявление особенностей вопросительных предложений как структурного, так и функционального порядка, т.е. определить место, форму и функцию вопросительного предложения в диалогах произведений Т. Манна, основываясь на его грамматической структуре.

В диалогах названных произведений имеют место как обыкновенные, так и риторические вопросительные предложения, причем последние встречаются значительно реже. Вопросительные предложения занимают самые различные места. Так, в романе они порой начинают диалог (стр. 105–106, 336–337 и др.)², иногда образуют своеобразную рамку (стр. 92–93, 473–475, 871, 964 и др.). Однако в основном вопросительные предложения вплетены внутрь диалога, чаще в первую его половину (стр. 27, 434, 792–793 и др.).

В диалогах новеллы вопросительные предложения также главным образом сосредоточены в начальной их части, выполняя порой роль своеобразного тематического заряда дальнейшей беседы.

¹ М. Милых, Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе, Изд-во Харьковского ун-та, 1956, стр. 26.

² Th. Mann. Gesammelte Werke, Bd. 2, 9, 11. Berlin, 1956.

Интересной особенностью диалогов романа и новеллы является прямая зависимость между объемом диалога и наличием в нем эмоциональных вопросительных предложений, т.е. с ростом объема диалога, обусловливаемого в основном философским характером тематики, резко уменьшается число вопросительных предложений. Данное явление относится, как правило, к обыкновенным вопросительным предложениям. В отличие от них примеры риторических вопросительных предложений отмечаются в основном в репликах диалогов философского плана, характеризующихся и в романе, и в новелле большим объемом.

В диалогах обоих произведений вопросительные предложения представляют собой в большинстве случаев строения несложных конструкций. Лишь некоторые примеры таких предложений выделяются из числа остальных своей сложностью.

Обыкновенные вопросительные предложения представлены здесь двумя структурными вариантами: местоименными и неместоименными. Наибольшую часть обыкновенных вопросительных предложений образуют примеры неместоименных структур. Значительное количество такого рода предложений способствует созданию определенной нарочитой стилистической выразительности самого высказывания и тем самым всего диалога, ибо принято считать, что местоименные вопросительные предложения, в которых в функции вопросительного слова выступают вопросительные местоимения, наречия и прономинальные наречия, обладают более ограниченными стилистическими возможностями³.

Разнообразие в неместоименные вопросительные предложения вносят и так называемые полувопросы, для которых свойствен порядок слов повествовательного предложения, напр.: „*Sie nehmen an?*“ S. 989 (Zauberberg). „*Du liebst?*“ S. 970 (Betrogene). Обычно эти предложения предполагают утвердительный ответ, т.е. они содержат предположение спрашивающего о возможном ответе⁴. Часто подобные структуры сопровождаются также дополнительной эмоциональной окрашенностью. Помимо вопроса, в них могут быть заключены удивление, радость, негодование, возмущение, страх и другие чувства говорящего. Хотя число подобных предложений в диалогах обоих произведений весьма незначительно, они действительно способствуют усилению стилистического эффекта всего высказывания.

³ В. Девкин, Особенности немецкой разговорной речи, М., 1955, стр. 107.

⁴ В. Девкин, Особенности немецкой разговорной речи, М., 1955, стр. 105; Л. Фридман, О классификации вопросительных предложений в современном немецком языке, — Уч. записки Ростовского и/Д пед. ин-та (Кафедра английского, немецкого и французского языков), вып. 1, 1957, стр. 83; Е. Шендельс, Грамматика немецкого языка, М., 1959, стр. 210.

Обыкновенные вопросительные предложения употребляются обычно при описании деталей повседневной жизни, будничных забот героев, напр.: „*Bist du weit gewesen?*“ S. 186, „*Hast du vielleicht einen Bleistift?*“ S. 473, „*Ist die Platte zur Stelle?*“ S. 964 (Zauberberg). „*Nimmst du ein paar Tropfen Zitrone?*“ S. 968, „*Wie nennst du es?*“ S. 937, „*Wo habt ihr euere Pallette?*“ S. 944 (Betrogene).

Подобные предложения указывают на конкретные условия, в которых протекает диалог, и придают ему бытовой характер. Весьма многие вопросительные предложения обоих произведений служат развитию дальнейшего сюжета, оживляют беседы. Порой они сопровождаются обширным, обстоятельным ответом, который излагается, как правило, в длинной последующей реплике, напр.: „*Du spielst hier wohl nicht?*“ S. 105, „*Wie alt sind Sie eigentlich?*“ S. 122 (Zauberberg). „*Wie soll ich deine Worte verstehen?*“ S. 980, „*Was gibt es, Mama?*“ S. 980 (Betrogene).

Особенно часты в исследуемых диалогах эллиптические формы вопросительных предложений, употребление которых является одной из черт, присутствующих в разговорной речи, напр.: „*Und der Mann?*“ S. 196, „*Warum nicht?*“ S. 239 (Zauberberg). „*Wovon denn, Anna?*“ S. 975, „*Wer, liebste Mama?*“ S. 1009 (Betrogene).

Такие конструкции характеризуются особой выразительностью и эмоциональностью, так как пропуск отдельных членов выполняет определенную смысловую и стилистическую функцию. Подобная форма придает несколько небрежный, порой фамильярный оттенок. В анализируемых произведениях эллиптические формы довольно часто употребляются в повторах-переспросах⁵, несущих большую эмоциональную нагрузку, напр.: „*Ihre Leichen?*“ S. 16, „*Das?*“ S. 617, „*Blutpfropf?*“ S. 268 (Zauberberg). „*Er, würdig?*“ S. 971, „*Schmerzen?*“ S. 946 (Betrogene).

Кроме того, в ситуации переспросов посредством вопросительной интонации передаются различные дополнительные смысловые нюансы: удивление, негодование, волнение, возмущение и т.д. Однако при анализе этого вида предложений выявилось, что в отличие от коротких в длинных диалогах обоих произведений наличие эллипсиса в вопросительных предложениях не вызвано явлением переспроса. В таких случаях более спокойный характер самой ситуации ослабляет и силу выразительности подобного рода предложений. С точки зрения стилистической выразительности эллиптические вопросительные предложения в коротких диалогах романа и новеллы ярче

⁵ М. Михлина, Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи, Авт. канд. дисс. Л., 1955; И. Парамонова, Переспрос в немецкой разговорной речи, — В сб.: Структура простого предложения в современном немецком языке, Л., 1972; И. Шведова, К изучению русской диалогической речи, — Вопросы языкознания, 1962, № 2.

и экспрессивнее, чем такие же предложения в длинных диалогах, так как помимо определенной силы, которую содержит в себе сама форма эллипсиса, подобные структуры подчеркиваются еще и наличием переспроса.

Разговорный характер простых вопросительных предложений иногда усиливается благодаря препозитивному положению союза „und“. В отличие от диалогов новеллы в романе подобные конструкции весьма часты, напр.: „*Und andererseits?*“ S. 871, „*Und nach Spanien will sie?*“ S. 712.

В обоих произведениях конструкции простых вопросительных предложений варьируют и оживляются вводом в их состав различных обращений, от характера которых во многом зависит выразительность всего предложения, напр.: „*Hallo, du, was ist mit dir?*“ S. 336, „*Junger Mann, wie geht es, mein Sohn?*“ S. 871 (Zauberberg). „*Hast du es gehört, Taugenichts?*“ S. 979, „*Wer, liebste Mama?*“ S. 1009 (Betrogene).

Особенно увеличивается она при повторном употреблении нескольких предложений этого вида. Этот прием значительно чаще встречается в репликах длинных диалогов романа „Волшебная гора“ и является, пожалуй, характерным для речи некоторых персонажей романа (Сеттембрини, Беренс). Иногда употребляемая цепь вопросительных предложений выполняет роль заряда в тематическом отношении. Так, например, доктор Беренс обращается к кузенам с рядом вопросов, которые служат поводом для дальнейшей беседы: „*Na, und Sie? Was macht die werte Befindität? Ist wohl ein fideleler Lebenswandel zu zweien, was, Ziemssen, alter Schlauberger? Warum weinen Sie denn, Sie Vergnügungsreisender?*...S. 249 (Zauberberg).

Как уже отмечалось в диалогах обоих произведений примеры риторических вопросительных предложений встречаются реже, чем обыкновенных. Конструкциям этого рода присуща экспрессивно-эмоциональная окраска. В функциональном назначении они двуплановы: с одной стороны, для них характерна суперкатегоричность, гротескная форма оценки, с другой, свойство сглаживать острые углы или, по словам Е. В. Конюкиной, „быть чем-то вроде синтаксического эвфемизма“⁶. В романе подобные предложения чаще всего встречаются в длинных репликах, перерастающих иногда в обширный монолог героя. Ввод риторических вопросов в канву реплики характеризует говорящее лицо как личность, склонную анализировать собственное высказывание по его ходу. В отдельных случаях это своеобразное выражение мысли персонажа вслух, дополнительно привлекающее внимание собеседника к определенному пункту в его высказывании. Следует отметить, что в обоих

⁶ Е. В. Конюкина, Некоторые особенности риторических вопросов, — Ученые записки Московского пед. ин-та иностранных языков, т. 58, 1971, стр. 122.

произведениях подобные вопросы встречаются главным образом в диалогах философского плана, т.е. тематика бесед персонажей имеет самую непосредственную связь с возникновением и возрастанием числа предложений этого вида.

В диалогах новеллы риторические вопросы способствуют передаче самых разнообразных эмоций: радости и печали, уныния и возмущения говорящего, напр.: „*Aber bist du es wirklich?*“ S. 987, „*Aber wie wäre denn Frühling ohne den Tod?*“ S. 1009, „*Vertreiben, ihn?*“ S. 976 (Betrogene).

Синтаксической структуре этих предложений в основном свойственна форма простого предложения, чаще всего распространенного. Сложные конструкции наблюдаются весьма редко.

Отличительной чертой диалогов романа является в некоторых случаях введение в реплику нескольких риторических вопросов подряд. Подобное нанизывание усиливает экспрессивность и выразительность высказывания, тем более, что последующие риторические вопросительные предложения обычно носят уточняющий характер, напр.: „*Was will ich denn, Castorp? Will ich sie morden? Will ich ihr Blut vergiessen?*“ S. 874 (Zauberberg).

Однако иногда подобные структуры приобретают слшшким патетическое звучание, что придает им книжность, подчеркивающуюся еще и своеобразием внутреннего построения предложения, соответствующим словом, сложным сочетанием слов или их групп, синтаксическими приемами, напр.: „*Welches ist dieses Beste, dieser Bau?*“ S. 727, „*Was in aller Welt soll da Politik oder Nichtpolitik?*“ S. 727 (Zauberberg). „*Wollen wir nicht versuchen, Ursache und Wirkung die Plätze tauschen zu lassen und sie damit vielleicht richtig zu stellen?*“ S. 971, „*Siehst du da oben das dünne Ausläuferchen mit seinen Blattknospen im Winde nicken?*“ S. 946 (Betrogene).

Что же касается вопросительных предложений сложных структур, то их число значительно уступает предложениям простых конструкций. Так, например, некоторые сложные вопросительные предложения представлены сложносочиненными конструкциями. Обычно это асиндетические соединения небольшого количества элементарных предложений умеренного объема.

Необходимо обратить внимание и на неравномерное распределение интонации в сложносочиненных предложениях, что в частности является отличительной чертой сложных вопросительных предложений длинных диалогов романа. Довольно часто здесь встречаются примеры, в которых лишь одно элементарное предложение содержит признак вопросительности, проявляющийся наличием вопросительного слова или же соответствующим порядком слов. Как правило, компоненты, насыщенные вопросительностью, находятся в конце сложной структуры, напр.: „*Da drüben, rechts von dem*

Schwarzhorn, dieses dort, hast du sogar einen Gletscher, siehst du das Blaue noch?“ S. 14, „*Aber auch die Natur kann klar sein, auch ein Bächlein kann klar sein, und was hilft uns das?*“ S. 162 (Zauberberg).

В подобных предложениях сочетаются две интонации – утверждение, заключенное в первой половине, и вопросительность, присущая второй части. Особого внимания заслуживает то, что примеры, где организующим средством последнего элементарного предложения является соответствующий порядок слов, т.е. имеет место неместоименная конструкция, являются обыкновенными вопросительными предложениями, требующими ответа, а в тех случаях, когда элементарные предложения содержат вопросительное слово (местоименная конструкция), вопросительность их приобретает риторический характер. Следовательно, прием совмещения различных интонаций в рамках одного предложения, служит еще одним средством разнообразия структуры вопросительных предложений в длинных диалогах.

Имеются в длинных диалогах романа и чрезвычайно усложненные вопросительные предложения, напр.: „*Sie kennen nicht diese Mimenknöpfe, in denen sich die Züge Julius Caesars, Goethes und Beethovens vereinigen, und deren glückliche Besitzer, sobald sie den Mund auf tun, sich als die erbärmlichsten Tröpfe unter der Sonne erweisen?*“ S. 827.

Учитывая то обстоятельство, что эмоциональные вопросительные предложения наиболее свойственны диалогической речи и что в большинстве случаев строятся наподобие структур разговорной речи, т.е. несложных конструкций, приведенный пример противоречит сказанному выше. Сложность синтаксической организации подобных предложений бесспорно лишает такие эмоциональные предложения разговорного оттенка, но отнюдь не уменьшает их стилистической значимости, а наоборот.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Вопросительные предложения представлены в диалогах романа „*Волшебная гора*“ и новеллы „*Обманутая*“ примерами весьма разнообразных структур. Помимо некоторых различий количественного порядка, вопросительные предложения в диалогах обоих произведений являются в основном несложными конструкциями, построенными по примеру живой разговорной речи. Лишь в отдельных случаях они выделяются сложностью своей синтаксической организации, патетическим звучанием. Кроме того, проведенный анализ помог установить тенденции, на наш взгляд, весьма примечательные:

1) в обоих произведениях с возрастанием объема диалога уменьшается число эмоциональных вопросительных предложений;

2) с уменьшением числа эмоциональных вопросительных предложений усложняется их внутренняя организация.

Место, характер и форма строения вопросительных предложений в диалоге, а также наличие синтаксических приемов варьируют и увеличивают стилистическую эффектность подобного рода предложений, расширяют их функцию в диалоге, способствуют созданию более полной характеристики говорящего лица.

Vilniaus V. Kapsuko
universitetas
Vokiečių kalbos katedra

Įteikta
1974 m. rugsėjo mėn.

SYNTAKTISCH-STILISTISCHE CHARAKTERISTIK DER FRAGESÄTZE IN DEN DIALOGEN DER WERKE VON TH. MANN „DER ZAUBERBERG“ UND „DIE BETROGENE“

Zusammenfassung

In dem Aufsatz werden Fragesätze analysiert, die in den Dialogen der Werke „Der Zauberberg“ und „Die Betrogene“ von Th. Mann vorkommen. Auch wird hier das Problem der Zahl, Stelle, Struktur und Funktion der Fragesätze erörtert.